

VIII. Рецензии

A. James Gregor, *Totalitarianism and Political Religion: An Intellectual History* [Тоталитаризм и политическая религия: интеллектуальная история]. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 2012. XIII + 300 стр.

А. Джеймс Грегор является одним из основоположников возникшей полвека тому назад новой научной дисциплины, занимающейся сравнительным анализом фашистских движений. Он также был автором фундаментальных работ по истории тоталитаризма, марксизма и маоизма. Этот спектр экспертных знаний ему хорошо пригодился для анализа идеологий, которые часто называют «политическими религиями». Грегор создал увлекательную и содержательную интерпретацию возникновения и развития марксизма, ленинизма, итальянского фашизма, нацизма, маоизма и идеологии камбоджийских «Красных кхмеров». Отточенный стиль Грегора позволяет легко следовать его изложению разнообразных преобразований, которые претерпели изначальные идеи Гегеля в их изложении и эксплуатации крайне левыми и крайне правыми движениями в XIX и XX веках. Я считаю главы о формировании мировоззрения Людвиг Фейербаха, социологии Карла Маркса, революционной доктрины Ленина и политической философии Джованни Джентиле особенно удачными. Эту богатую историческими деталями книгу можно искренне рекомендовать всем интересующимся историей современной радикальной антилиберальной мысли и теми идеологиями, которые были основами самых кровавых режимов в истории человечества.

Хотя я с удовольствием прочел это обширное исследование, Грегору не удалось убедить меня во внутренней логике, объяснительном потенциале и эвристической пригодности концепции «политическая религия». Конечно, нельзя не отметить, что идеи, литургия, риторика и стиль тоталитарных режимов XX века имеют некоторые общие черты с подлинными религиями. Более того, описание Грегором истории тоталитарных идеологий и их постепенной подмены веры в Бога в веру в безошибочную науку, исторический дух, расовое предназначение или национальную судьбу с целью объяснить мировое устройство и решать реальные политические и социальные проблемы представляет собой занимательное чтение. Однако я не уверен в том, что эти якобы религиозные элементы новых идеократий XX века объясняют решающие отличия в структуре и действиях традиционного авторитаризма, с одной стороны, и современного тоталитаризма, с другой.

Во-первых, я сомневаюсь в приемлемости самого термина «политическая религия» для обозначения некоторых политических идеологий, которые не являются религиями. Возможно, их можно было бы обозначить как «квази-», «псевдо-» или «полурелигии». Но без этих дополнений термин «политическая религия» – это концептуально слишком растяжимое понятие. Если идеология не базируется на подлинной религии, то термин «политическая религия» – это просто терминологический конфуз.

Во-вторых, псевдо- или квазирелигиозные элементы можно найти у многих политических групп, движений и режимов – не только у тоталитарных. Вера в некую высшую правду, которой оправдываются политические действия определенного политического режима, мотивировала не только фашистов, нацистов, сталинистов или маоистов, но также и либералов, консерваторов, феминисток и анархистов. Существует также концепция так называемых «гражданских религий», которые, по мнению некоторых, необходимы для того, чтобы либеральные демократии могли эффективно функционировать. Процедуры и образы мышления, имитирующие религиозные механизмы, можно наблюдать в деятельности многих общественных, культурных и политических институтов, которые сакрализируют отдельные личности, структуры, пространства, образы, здания, даты, ритуалы или тексты.

В-третьих, настоящие религиозные движения, которые пытаются достичь политических целей следуя логике концепции «политических религий», должны были быть намного более однородно тоталитарными, чем они являются в реальности. Общее религиозное ядро разновидностей политического христианства, ислама или индуизма должно было бы сделать их одинаково жесткими и подавляющими. Несомненно, многие, если не большинство, политизированных религиозных движений и теократий имели и имеют тоталитарные тенденции. Но не все из них были настолько отрицательными, как следовало бы ожидать из логики подхода Грегора и его предшественников. Некоторые политизированные религии были освободительными, эгалитарными и антитоталитарными. Ватикан – хотя он очевидно и не является либеральной демократией – это ведь не католический эквивалент бывшего Советского Союза.

В-четвертых, эволюции одних «политических религий» представляются более открытыми и разнообразными, чем воплощения других. Например, проникновение в политику псевдонаучного биологического расизма в XIX веке, имело приблизительно сопоставимые последствия в разных режимах Европы в XX веке. В то же время марксизм, как «политическая религия», осуществлялся по-разному в разных исторических контекстах. Партия, формированию которой в конце XIX века Маркс лично способствовал – немецкая Социал-демократия, которая до 1959 г. была официально марксистской – стала основой первой (хотя и не успешной) немецкой демократии – Веймарской республики в 1918/19 гг. Напротив, российские последователи Маркса, возглавляемые Лениным, за год до того соз-

дали первое современное тоталитарное государство. Разве не должен был якобы «религиозный» изначальный импульс марксизма привести всех его последователей к аналогичной мобилизационно-террористической государственной политике?

Хотя книга Грегора весьма познавательна, я предпочел бы более критический подход автора к концепции «политической религии». Общее впечатление от последней книги Грегора схоже с тем, которое вызывает одна из его предыдущих монографий *The Search for Neo-Fascism* (Поиск неофашизма) от 2006 г. Она также хотя и является интересным исследованием с множеством отдельных научных догадок, но ее заключения в целом оставляют многие важные вопросы без ответа, делая труд, в конечном счете, неубедительным.

Андреас Умланд